

Пробка

Лунный свет классиками расчертил коридор. В сонной тишине одиноко шлепали маленькие неуверенные ножки.

Я сощурился (очки, естественно, остались на столе возле компьютера). Так и есть: едва ли не годовалый карапуз целеустремленно вышагивает к лифтам; смешно покачивается круглая памперсная попка. Моя Ксюха совсем недавно так же переваливалась, топя по комнатам.

Однако ситуация! Из какой же это палаты пациентки сбежал? Мамаша, значит, спит без задних ног, а он...

Я сразу оказался у сестринского поста, но там только забытый пузырек тускло отсвечивал стеклянным боком. Ясно, сестрички со шприцами и градусниками забегают часа через два, не раньше. Ну и что я буду делать с вундеркиндом-путешественником?

А эпизод забавный, надо будет вставить в рассказ. Посмеиваясь над писательской привычкой облекать все происходящее в возможный сюжет, я побежал за карапузом. Поймал его в охапку, поднял над собой.

— Ты куда это собрался, а?

Малыш расслабленно обвис в моих руках и затем неожиданно глянул исподлобья — явно оценивающе, словно он не годовалая кроха, а циничный подросток. Лунный свет иногда играет странные шутки с близоруким взглядом.

— Пошли-ка домой, пока тебя не потеряли, — успокаивающе сказал я. — Сейчас найдем твою маму.

А странно: двери палат закрыты. И откуда он взялся тут, в

коридоре? Все-таки надо будить сестричек.

— Дядь! — неожиданно пискнул карапуз. На круглощекое личике заиграла ехидная усмешка. — Дядь, фокус хотис?

Я даже удивиться не успел. Раздался негромкий щелчок...

Очередь уходила в бесконечность. И я угнезвился меж двух затянутых в белое фигур, словно всю жизнь только здесь и стоял, уткнувшись взглядом в монументальную спину, выше которой — коротко стриженный, слегка расплывчатый затылок.

Потом по привычке захотелось поправить очки, но палец ткнул в голую переносицу. Черт, угораздило же их забыть!..

И тут меня как током ударило. Господи, где же это я? Последнее, что помнилось: больничные коридоры, годовалый карапуз на руках, а дальше — мгновенная растерянность: «Дядь, фокус хотис?»

Ничего себе шуточки!

Я беспомощно огляделся. Бесконечный червяк очереди, вокруг бело, как в больничном коридоре, и народ весь в белом, да и на мне, оказывается, такая же хламида надета. Что тут подумать?

Воображение мое — враг мой. Мгновенно представилось: валяюсь сейчас на холодном линолеуме, возле хнычет малыш, а душа мается перед воротами. Рая или... Кто же может похвастаться, что знает принципы загробного распределения — кого куда.

И тут же испуганно екнуло: загробного? А Ксюха?..

Художник Е. Станикова

Наталья Егорова

ФАНТАСТИКА

Девушка за компьютером удивления не выказала.

— Ваш ментокод?

— Извините?

— Ваш ментокод.

Это звучало как «ваш пропуск». Я недоуменно пожал плечами. Девушка, эта Аналита, досадливо выудила из ящика стола белый прибор, вроде того, который используют в кассах магазинов, и направила его на меня. Машинка с готовностью пискнула, и Аналита аж подпрыгнула в кресле:

— Вы иновременец!

Я ничего сообщить не успел: возле стола невеста откуда нарисовалась высокий, прямой, как фонарный столб, парень с резкими чертами лица. Аналита тихо забормотала, испуганно косясь в мою сторону, а этот тип мгновенно проткнул ситуацию и навис надо мной. На груди табличка: «Владимир, старший транслятор». Транслятор, еще не легче!

— Ваше имя? — проскрипел он холодно.

— Ярослав Федоров.

— Время жизни?

— Э, позвольте... значит, я все же умер?

В узких глазах транслятора появилось удивление:

— Да с чего вы взяли? Меня просто интересует эпоха, из которой вы проникли в сферу гиперсознания.

Я не знал, что сказать. Может быть, это только сон, сонбред?

Между тем мой собеседник материализовал в воздухе компьютерную мышь и принялся водить ею прямо на весу, поглядывая на монитор.

— Ага, вот как, две тысячи третий год! — удовлетворенно хмыкнул он. — Цель проникновения?

— Куда?

— Ну я же сказал: в сферу гиперсознания.

Этот парень (который «транслятор») мне надоел.

— Видите ли, давайте уточним: никуда я не проникал. В настоящий момент нахожусь в больнице с дочерью: ей четыре года, у нее воспаление легких. А жена в командировке, ну вот и...

...Под утро Ксюха снова раскашлялась. Я плюхнул в раковину пакетик сока, чтобы разогреть под горячей струей. Комната плыла в оранжево-неоновом зареве уличной рекламы.

— А вчера Светкина мама назвала тебя «кормящий пап», — наябедничала Ксюха, отхлебнув соку.

Я усмехнулся:

— И что? Все в больнице с мамами, только ты одна с папой.

— Ага, — согласился мой покладистый ребенок.

Я подоткнул под ее тельце одеяло.

— Спи, воробей.

— Только не оставляй включенным компьютер, — знакомым нам голосом («маминим») напомнила Ксюха и уже через секунду сонно засопела. А я перебрался за стол, к своему ноутбуку.

Бедная моя девочка, что же это получается? Жена приезжает только через неделю, а я? Живо представилось: суматоха вокруг трупа и врача, прячущая глаза в ответ на вопрос несчастного ребенка, где же папа...

Нет уж, так дело не пойдет — рановато мне!

И я задергался, выбираясь из очереди. Воздух — будто вязкий сироп, и я влип в него, как муха. Попытки оттолкнуться от широкой спины впереди стоявшего ничего не дали. Люди (или души?) не реагировали на мои поползновения, словно меня окружали манекены.

Какая злость возникла! Я бросился на невидимую стену — дальше миг внезапной тошноты, и затем я обнаружил себя в обычном офисном кабинете, разве что и здесь преобладал режущий глаза белый цвет.

Симпатичная девушка оторвала взгляд от компьютера и строго глянула мне в лицо. Несмотря на размытость, показалось, что глаза у нее синие. Я прищурился на бейджик: «Аналита, оператор воплощения».

Ага, аналита — ну, ангелица, наверное. А воплощение — это про переселение душ, что ли? Я слегка запаниковал, но память услужливо подбросила вычитанное когда-то: бывало, кое-кто возвращался после клинической смерти, если у него оставались неоконченные дела.

— Прошу прощения. Тут у вас, вероятно, э... ошибочка вышла, — сбивчиво начал я. — Короче говоря, мне срочно нужно обратно. И дочка совсем еще маленькая, и книга не дописана, ну и дерево не посажено, и дом я не построил.

Однако творчество не складывалось. Промаявшись с полчаса, я оставил агонизирующий текст светиться на экране и пошел в туалет. И, выйдя из палаты, заметил чересчур серьезного малыша, в одиночестве ковылявшего по коридору.

— Пиратский транслятор! — констатировала Аналита. — Нелегал. Последний был два года назад.

— Да. Кому-то очень не терпелось.

— Послушайте, — почти взмолился я, — можно узнать, что, собственно, происходит?

— Безусловно. — Владимир резво защелкал мышью. — Вы, уважаемый, попали в ту сферу гиперсознания, которая относится к межвременному туризму.

— Минутку! Сфера гиперсознания — это?..

— Скажем так: это область, в которой находится нематериальная составляющая вашей личности, когда освобождается от физической.

— Душа, что ли?

— Не только. Еще разум, эмоциональная область... словом, для вас эти тонкости интереса не представляют. Что же касается межвременного туризма, то он связан с трансляцией сознания между физическими телами. Однако для этих нужд фирма использует набор синтетических тел, а тут — в вашем случае — нелегал занял ваше натуральное.

— То есть тот ребенок — это и был нелегал?

— Ну да, он прыгнул в первое попавшееся тело, а потом выбрал более подходящее и перебрался в него.

Я почти поверил. Но тогда получается так: возле Ксюхи сейчас бродит неизвестно кто, который выглядит, как ее папа?

— Немедленно верните меня назад! — потребовал я.

Владимир глянул с неодобрением.

— Пытаемся, — сказал и тут же испарился — может быть, чтобы скрыться от моей назойливости.

— Засечь нелегала — целая история, — примиряюще пояснила синеглазая девица. — Пожалуйста, наберитесь терпения.

— Попробую... Извините, а все-таки: расскажите мне об этих нелегалах.

Аналита улыбнулась. (Совсем молоденькая, разглядел я даже без очков, однако кто сказал, что «нематериальная составляющая» соответствует физической внешности?)

— Ну, это примерно так, как у вас сестра на самолет без... без билета, а прибор для переброски сознания, нельзя переместиться в «занятое» тело. Нелегал же — это человек с пиратским разблокированным транслятором. В его силах занять практически любое тело, выдавив предыдущего владельца в сферу гиперсознания. Что в вашем случае и произошло.

— Он что же, будет вместо меня? Жить?

— Вряд ли рискнет. Внешность у него, конечно, будет ваша, но человек-то другой. Занимать чужое тело вообще неудобно: оно ведь не приспособлено для обмена — приходится привыкать к чужим рефлексам.

— Тогда зачем?

Аналита даже погрузнела:

— Вот в этом и суть! Кому-то нужно было попасть в ваше время и в определенный момент. А у нас тут сейчас, к сожалению, пробка.

Что — пробка душ? Это забавно.

— А разве остальным не позарез?

— Все зависит от цели, — серьезно пояснила Аналита. — Очередь, которую вы видели, состоит из фантомов. Сам клиент вызывается к моменту переброски прямо из физичес-

кого тела и независимо от срока путешествия не теряет ни секунды относительного времени: он просто возвращается в то же мгновение. Конечно, если он законопослушный клиент. Если же человек стремится отбыть немедленно — значит, цели у него, скорее всего, недобрые. Скажем, нелегал собирается провезти в иное время не существовавший там предмет.

— Как же провезти, если без тела? — удивленно спросил я.

— Да запросто. В смысле, есть способы... Представьте, что будет, если забросить к вам ментоизлучатель. Это же любому человеку можно внушить: например, ограбить банк или застрелить президента. Ведь ни защиты, ни способов обнаружения не существует!

Я похолодел от внезапной догадки:

— Или внушить пилоту направить самолет на небоскреб? Аналита запнулась и затем глянула явно подозрительно:

— Вы... э, кто? То есть кем работаете?

Ну сколько же можно смущаться, произнося:

— Писатель. Писатель-фантаст.

— Да? Забавно.

— То есть?

— Погодите, Ярослав Федоров, фантаст. Вот послушайте. Еще нелегал может попытаться изменить текущую ветвь...

— Настоящее?

— Настоящее изменить нельзя. Можно перескочить на другую ветку событийности, реализовать иной ее вариант. Теоретически это можно просчитать, но на практике приходится учитывать слишком много факторов — такое целым институтам порой не под силу. Конечно, волна изменений довольно быстро спадает во времени, однако для оператора многое оказывается уже другим. Например, человек хочет стать известным артистом, становится, но в довесок получает жену-инвалида.

Вот этот аспект заинтересовал меня всерьез. Я даже, каюсь, на какие-то минуты забыл о Ксюшке и уже готовился задать десяток вопросов, но тут снова возник Владимир.

— Уже нашли? — обрадовался я.

Он странно посмотрел на меня:

— Нет. Но нам очень помогла бы ваша помощь.

А помощь требовалась самая фантастическая. Душа, как ее ни называй, в здешнем безвремье остается связанной с собственным бывшим телом, словно на него маячок настроен. Значит, проще всего отправить эту душу саму гоняться за бывшим пристанищем.

— Вам только нужно переместиться поближе к вашему телу, — объяснил Владимир, — и тут же вызвать группу перехвата. Ваша безопасность гарантируется, все будет под контролем оператора.

Может быть, он и темнил, но возможность действовать — это лучше ожидания в белой пустоте. Я тут же согласился, проигнорировав тревогу на лице синеглазой Аналиты.

Раздался щелчок.

С ветки взлетела черная птица, уронив мне за шиворот снежный комок. Ледяные ручейки поползли по спине, убеждая в реальности бытия.

Реальность — она тут какая? Негустой лес, ни единой тропинки. Меж старых деревьев тянется грязно-зеленый забор: то ли лесопилка, то ли чья-то заброшенная дачка. Неплохое место для переброски.

Я опустил глаза, разглядывая доставшуюся мне на халяву оболочку. Тело — высший сорт: сильное, гибкое, без малейших признаков пивного животика. И вижу лучше, чем в очках. Кайф!

Я пробежался, поприседал, отжался пару раз от мокрого пенька — и никакой одышки. Новый организм слушался безупречно, поэтому Бог с ним, со старым! От радости попытался даже сделать стойку, но тут уж, видимо, умения не хватило. Отряхнулся, вдавил языком круглый выступ на нёбе и подумал: «На место прибыл. Отправляюсь вдогонку за нелегалом». — «И без геройства, — отозвался в голове голос Владимира. — Найти и вызвать группу».

Механизм включения переброски предполагал, как оказалось, крайне нелепую позу: полуприсесть со сведенными коленками и поднять оба кукиша к вискам. В общем, та еще поза!

Щелчок.

Я узнал себя тотчас же. Этот балбес разгуливал посреди декабря в клетчатой рубашке, шлепая кроссовками по слякоти. Тут бы и вызвать группу захвата, но я материализовался прямо посреди проезжей части и в растерянности смотрел, как нелегал голосует на обочине. Преодолеть эти несколько метров сквозь сплошной поток машин не было никакой возможности.

Между тем мое тело лихо тормознуло частника в заляпанном по самую крышу «жигуле». Машина, чихая, влилась в поток, унося меня от меня.

Я забеспокоился:

— Э... это Федоров. Ваш нелегал сел в машину. Ну и?..

— Номер не заметили? — бесстрастно осведомился голос «оттуда».

Какой там номер — я даже модель этого «жигуленка» не смог бы назвать! Запомнил лишь, что он — красного цвета, старый, грязный, но таких тут нынче — каждая десятая машина... Правильно оценив мое растерянное молчание, оператор посоветовал:

— Выждите минут пятнадцать и повторите перемещение.

Я побрел вдоль разграничительной полосы. Ноги разъезжались в грязном снегу. Меня беззлобно материли из заляпанных окон и пару раз мстительно обдали грязью. Утешало, что тело казенное и одежду, соответственно, тоже не мне стирать.

Выждав для верности минут двадцать, я вновь принял позу перехода — полуприсел со сведенными коленками и поднял оба кукиша к вискам.

Щелчок...

...И я едва успел зацепиться за обледенелые перила моста. «Идиоты! — успел подумать. — Какие же идиоты управляют этими переходами!»

Внизу, метрах в десяти, тянулись рельсы. Я в панике глянул вверх и увидел там собственное лицо. Увидел и даже удивиться успел: каким придурком выгляжу в испуге! А потом левая рука сорвалась, и земля качнулась навстречу...

Он бросился тянуть меня за куртку. Сил у моего тела явно недоставало, но общими стараниями, пытаясь и нелепо брыкаясь, мы сделали нужное: я перевалился через ограждение и сполз на землю.

Тут бы нелегалу и слинять от назойливого преследователя, однако он топтался рядом и, кося взглядом, пинал обледеневший столб. Потом, правильно истолковав мое появление из воздуха, хмуро осведомился:

— Вы за мной, да?

— Я за своим телом.

— А, это ты!... — произнес он виновато. — Ну, мужик, ну чего ты так сразу, а? Отдам я тебе тело, ну правда же, на кой оно мне сдалось! Мне вот только до метро, до «Киевской», — там сразу и отдам.

Я слегка отдышался.

— Зачем?

Он похлопал себя (меня) по карманам и в ответ на мое «не курю» вздохнул:

— Понимаешь, курсовую завалил. Ну, завалю то есть.

— А я тут при чем?

Он снова вздохнул:

— Ты ни при чем, да. Но... — И стал объяснять: — Курсовая по фантастике двадцать первого века. Я взялся писать по Федоровским «Теням города», вот только книжку эту не нашел сразу, а потом уж и времени не было читать. В общем, откопал статью какого-то критика, а там про гибель Язека... Ну я и написал: «Принципиальный смысл и темпоральное обоснование гибели Язека в романе...» Красиво так получилось!

Я поднялся. Дело принимало чрезвычайно интересный оборот.

— И чего? — спросил.

— Да не умер он, оказалось, Язек этот! Он воскрес там, что ли, или еще какая-то ерунда вышла. А критик, урод, так распинался! — И после паузы нелегал закончил почти трагически: — Теперь мне вылет светит. Жабень сказал: не сдашь с первого раза, тогда все.

— А ты в каком институте учишься? В литературном?

— Не, в футурологическом.

— Да? И что там у вас — изучают Федорова? Как его зовут-то?

— Э, кажется, Ярослав. Да, Ярослав Федоров, московский фантаст начала двадцать первого века.

Привет — вот и пересекся с будущим! Как? Да очень просто: именно сейчас, именно в больнице я пописываю-набрасываю эти «Тени города». Повторяю: пока только набрасываю. И, набрасывая, ни убивать, ни тем более воскрешать Язека не собирался. Однако... м-да, надо подумать: интересный выверт сюжета получится! Правда, тогда надо переделать эпизод со «скорой помощью».

— Он его на самом деле убил, Язека этого, — продолжал бубнить студент, — а тут у него, то есть у автора, дочка умерла, ну он его и воскресил — из-за переживаний, конечно.

Сердце замерло. У него дочка. Умерла. Мир потерял цвет...

Я сгреб это свое тело, взял его за грудки и потряс. Голова безвольно замоталась, будто на тряпичной шее, и на меня выпучились мои же глаза.

— Мужик! — перепуганно залепетал он. — Ну ты чего?

Я швырнул его спиной о перила. Нелегал так и застыл, согнувшись. Не хватало воздуха, но я никак не мог поймать скрюченными пальцами замок молнии.

— Я, я Ярослав Федоров!

— Бли-ин!..

Я забегал вокруг, оскальзываясь на раскисшем льду.

— Когда у него умерла дочь? — закричал, поймав себя на том, что сказал «у него» вместо «у меня».

— Се... сегодня.

Ледяной поручень обжигал руки. Небо придвинулось к самому лицу. И глянули с него круглые Ксюшкины глаза: «Пап, возьми на ручки».

Нелегал дергал меня за куртку:

— Ты... вы погодите. Ну я же для этого... ну в смысле для курсовой. Но все же связано! — Теперь он отчаянно тянул меня куда-то, на ходу лихорадочно объясняя: — Я все просчитал: минимально необходимое воздействие. Он же... в смысле, вы потому Язека и воскрешали... Ну а если дочка останется жива, то Язек помрет, и тогда выйдет, что я все правильно написал.

— Что надо делать?

— Я же и говорю: надо доехать до «Киевской» и в киоске сккупить все номера газеты... этой, как ее?.. Черт, я ведь даже записывал!

— Зачем?

Мы уже бежали по обледенелому тротуару.

— Ну это же минимально необходимое воздействие... О, вспомнил: «Спорт-экспресс»! Дальше пойдет волна изменений, и мы перескочим на другую ветку событийности. А там — там ваша дочка жива. — Он поскользнулся, с трудом удержал равновесие и закончил: — А я курсовую не завалю.

Я потрясенно покосился на него, нелегала. Ну надо же, студент, мать его! Чтобы сдать курсовую, он что, готов изменить собственное прошлое? И даже воскресить Ксюшку? Выходило, так.

Обгоняя его, я нырнул в теплый воздух подземки. Про группу захвата уже и не вспоминалось.

Поезд остановился в тоннеле. Секунды, секунды! Время убежало.

— Во сколько?

Он понял, виновато посопел:

— Откуда ж я знаю! Про это, наверное, и в учебнике не написали.

«Наверное!» И учебник он, конечно, сначала не нашел, а потом времени не было. У меня тоже нет времени, черт, да когда же он, этот поезд, тронется?!

Что теперь? Едва не сшибая прохожих, мы вылетели на шумную площадь.

Я:

— Куда?

Он:

— Здесь, за углом должен быть.

Но киоск уже не работал. Холодное стекло, пустые полки.

— Как же так? — растерянно бормотал студент, топчась в слякоти. — Я же проверял, он еще должен работать!

— Ты как считал свое воздействие? — Руки тряслись, я никак не мог попасть в карманы.

— Ну, программка у меня такая. Температор Про... Блин, да не может такого быть!

А в карманах между тем пусто. Почему ОНИ не дают туристам денег? Но тут вспомнил:

— У тебя в правом кармане три сотни. Давай сюда! — И затем бросился на дорогу прямо перед несущимися автомобилями. — В больницу! Мне срочно в больницу!

Можно ли обмануть время, бешено размахивая руками?.. Машина вырвалась на шоссе и тут же остановилась. Пробка. С нее все началось, к ней же и пришло.

Я кнулся лбом в холодное стекло. Господи, но Ксюху-то за что? Неужели из-за идиотского романа, который потом будут изучать лоботрясы в институте? Да пропади оно все пропадом!

И что теперь — вот так стоять в пробке? Оставалось одно:

выскочить из машины и помчаться вдоль их бесконечной вереницы. За спиной, в моем же теле, пыхтел студент. Я бежал, машины то ехали, то стояли. Скользящая выбоина подвернулась под ногу — падение, и грязный бампер с хрустом врезался мне в лицо. Закомый щелчок, и напоследок стало ясно, что я не успеваю, уже окончательно.

— Это преступная самодеятельность, преступная! — сердито выговаривал грузный человек в белом, чье лицо привычно расплывалось в тумане, а мой, так сказать, старый знакомый Владимир, стоявший рядом, вид имел понурый и виноватый. — Я допускаю, что имело место совпадение. Но как вы могли отправить этого непрофессионала, иновременца без подготовки? — И уже не Владимира, а именно меня ожег осуждающий взгляд. — Ладно. Да займитесь же им кто-нибудь!

«Им» — это, значит, мной, так? Меня стремительно дернуло, а затем — вот и синеглазая Аналита. Она тут же сообщила с профессиональной суховатостью:

— Я сейчас все подготовлю, и мы вернем вас в ваше тело. — Потом тихой скороговоркой добавила: — Не переживайте, ваша дочка оказалась жива.

Я уставился на нее:

— Да? Да?

— Да! — И отмахнулась, хихикнув. — А чего, вы думаете, начальник бушует? Вы перепрыгнули на другую ветвь событийности, когда этот олух раскрыл вам ваше будущее. Это же одно из самых мощных воздействий.

Я вцепился в ее руку. Душа или не душа, но на ощупь рука казалась вполне материальной.

— Вы точно знаете?

— Про вашу дочку? — Аналита помедлила. — Вообще-то, если по инструкции, не положено рассказывать, но она будет жить долго. Долго-долго. А вот про вас ничего говорить не буду.

— И не надо! — легко согласился я.

Пустота. Вместо радости — теплая легкость. А руки все еще трясутся.

— Значит, как его, этот студент своего добился? — Я запоздало сообразил, что даже имени его не узнал.

Аналита покачала головой:

— Если бы. На этой ветке он даже в институт не поступил.

Вот тебе и Температор Про! А впрочем, что мне до него? Подумаешь, без спросу вломившийся в мое тело раздолбай от футурологии, с этими его бесконечными «ну». Изменивший мою судьбу. Спасший Ксюху. Так, невзначай...

Аналита деловито щелкала клавишами.

— У меня все готово, — сказала наконец. И усмехнулась: — А знаете, в учебниках на фотографиях вы такой смешной были! Толстый, лысый...

Щелчок.

Лунный свет классиками расчертил пол коридора. Я тихонько отворил дверь в палату. Взъерошенная Ксюха тут же села в кроватке:

— Пап, ты ушел, а компьютер не выключил.

Как это выглядит со стороны? Наверное, кто-то сказал бы: «Он улыбался глупо и счастливо».

— Больше не буду. Ты спи, воробей.

Она уютно зарылась в подушку. Я тронул лобик — температура вроде спала. Толстая луна пялилась на нас с фонарного столба.

Потом я защелкнул ноутбук. Не буду убивать Язека, решил. И вообще — брошу писать этот дурацкий роман! Пусть «двойки» получают за чужие книги.